

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2017-2018 УЧЕБНЫЙ ГОД
7 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 180 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 50.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

Выполните два творческих задания.

1. Напишите эссе (рекомендуемый объем – не менее 150 слов), размышляя над словами Карло Гольдони: «Человек с хорошей книгой в руках никогда не может быть одиноким». Обязательно опирайтесь на свой читательский опыт и приводите примеры из художественной литературы.

2. Представьте, что готовится к изданию литературный сборник, посвященный братьям нашим меньшим. Вспомните художественные произведения (русских и зарубежных авторов), где созданы образы животных. Составьте оглавление книги и напишите обращение к читателям (рекомендуемый объем – не менее 100 слов).

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2017-2018 УЧЕБНЫЙ ГОД
8 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 180 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 50.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

Выполните два творческих задания.

1. Во многих произведениях мировой литературы в жизни героя происходят события, которые меняют его характер и взгляды на мир. Вспомните один из текстов (русской или зарубежной литературы), где персонаж делает важные жизненные открытия, испытывает сильные эмоции, сталкивается с такими обстоятельствами, которые меняют его. Опишите переживания литературного героя в форме дневниковой записи (рекомендуемый объем – не менее 150 слов).

2. Напишите эссе на тему «Чувства или разум?» (рекомендуемый объем – не менее 200 слов). Поразмышляйте о значении художественной литературы в жизни человека. Пробуждать чувства? Или, может, помогать задуматься о проблемах и искать ответы на волнующие человека вопросы? Что, на Ваш взгляд, важнее читателю XXI века? Обязательно аргументируйте свои размышления примерами из художественной литературы.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2017-2018 УЧЕБНЫЙ ГОД
9 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 300 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100

Пользоваться можно: бумага, ручка

I тур

Аналитическое задание (**на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста**)

1. Выполните целостный анализ фрагмента новеллы К.Г. Паустовского (1892–1968) «Жёлтый свет». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: название, композиция символика цвета, особенности авторского приёма психологизма в рассказе.

К.Г. Паустовский

Желтый свет

Я проснулся серым утром. Комната была залита ровным желтым светом, будто от керосиновой лампы. Свет шел снизу, из окна, и ярче всего освещал бревенчатый потолок.

Станный свет – неяркий и неподвижный – был непохож на солнечный. Это светили осенние листья. За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую листву, она лежала шумными грудями на земле и распространяла тусклое сияние. От этого сияния лица людей казались загорелыми, а страницы книг на столе как будто покрылись слоем воска.

Так началась осень. Для меня она пришла сразу в это утро. До тех пор я ее почти не замечал: в сад еще не было запаха прелой листвы, вода в озерах не зеленела, и жгучий иней еще не лежал по утрам на дощатой крыше.

Осень пришла внезапно. Так приходит ощущение счастья от самых незаметных вещей – от далекого пароходного гудка на Оке или от случайной улыбки.

Осень пришла врасплох и завладела землей – садами и реками, лесами и воздухом, полями и птицами. Все сразу стало осенним.

В саду суетились синицы. Крик их был похож на звон разбитого стекла. Они висели вниз головами на ветках и заглядывали в окно из-под листьев клена.

Каждое утро в саду, как на острове, собирались перелетные птицы. Под свист, клетот и карканье в ветвях поднималась суматоха. Только днем в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг.

Начался листопад. Листья падали дни и ночи. Они то косо летели по ветру, то отвесно ложились в сырую траву. Леса моросили дождем облетающей листвы. Этот дождь шел неделями. Только к концу сентября перелески обнажились, и сквозь чащу деревьев стала видна синяя даль сжатых полей.

Тогда же старик Прохор, рыболов и корзинщик (в Солотче почти все старики делают с возрастом корзинщиками), рассказал мне сказку об осени. До тех пор я эту сказку никогда не слышал, – должно быть, Прохор ее выдумал сам.

– Ты гляди кругом, – говорил мне Прохор, ковыряя шилом лапоть, – ты присматривайся, милый человек, чем каждая птица или, скажем, иная какая живность дышит. Гляди, объясняй. А то скажут: зря учился. К примеру, лист осенью слетает, а людям невдомек, что человек в этом деле – главный ответчик. Человек, скажем, выдумал порох. Враг его разорви вместе с тем порохом! Сам я тоже порохом баловался. В давние

времена сковали деревенские кузнецы первое ружьишко, набили порохом, и попало то ружьишко дураку. Шел дурак лесом и увидел, как иволги летят под небесами, летят желтые веселые птицы и пересвистываются, зазывают гостей. Дурак ударил по ним из обоих стволов – и полетел золотой пух на землю, упал на леса, и леса посохли, пожухли и в одночасье опали. А иные листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались. Небось видел в лесу – есть лист желтый и есть лист красный. До того времени вся птица зимовала у нас. Даже журавль и тот никуда не подавался. А леса и лето и зиму стоял! и в листьях, цветах и грибах. И снега не было. Не было зимы, говорю. Не было! Да на кой она ляд сдалась нам, зима, скажи на милость?! Какой с нее интерес? Убил дурак первую птицу – и загрустила земля. Начались с той поры листопады, и мокрая осень, и листобойные ветры, и зимы. И птица испугалась, от нас отлетает, обиделась на человека. Так-то, милый, выходит, что мы себе навредили, и надобно нам ничего не портить, а крепко беречь.

– Что беречь?

– Ну, скажем, птицу разную. Или лес. Или воду, чтобы прозрачность в ней была. Все, брат, береги, а то будешь землей швыряться и дошвыряешься до гибели.

Я изучал осень упорно и долго. Для того чтобы, увидеть по-настоящему, надо убедить себя, что ты видишь это впервые в жизни. Так было и с осенью. Я уверил себя, что эта осень первая и последняя в моей жизни. Это помогло мне пристальнее всмотреться в нее и увидеть многое, чего я не видел раньше, когда осени проходили, не оставляя никакого следа, кроме памяти о слякоти и мокрых московских крышах.

Я узнал, что осень смешала все чистые краски. Какие существуют на земле, и нанесла их, как на холст, на далекие пространства земли и неба.

Я видел листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и почти белую. Краски казались особенно мягкими из-за осенней мглы, неподвижно висевшей в воздухе. А когда шли дожди, мягкость красок сменялась блеском. Небо, покрытое облаками, все же давало достаточно света, чтобы мокрые леса могли загораться вдали, как багряные пожары. В сосновых чащах дрожали от холода березы, осыпанные сусальной позолотой. Эхо от ударов топора, далекое ауканье баб и ветер от крыльев пролетевшей птицы стряхивали эту листву. Вокруг стволов лежали широкие круги от палых листьев. Деревья начинали желтеть снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках.

Однажды осенью я ехал на лодке по Прорве. Был полдень. Низкое солнце висело на юге. Его косо свет падал на темную воду и отражался от нее. Полосы солнечных отблесков от волн, поднятых веслами, мерно бежали по берегам, поднимаясь от воды и потухая в вершинах деревьев. Полосы света проникали в гущу трав и кустарников, и на одно мгновение берега вспыхивали сотнями красок, будто солнечный луч ударял в россыпи разноцветной руды. Свет открывал то черные блестящие стебли травы с оранжевыми засохшими ягодами, то огненные шапки мухоморов, как будто забрызганные мелом, то слитки слежавшихся дубовых листьев и красные спинки божьих коровок.

Часто осенью я пристально следил за опадающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю. Но это мне долго не удавалось. Я читал в старых книгах о том, как шуршат падающие листья, но я никогда не слышал этого звука. Если листья и шуршали, то только на земле, под ногами человека. Шорох листьев в воздухе казался мне таким же неправдоподобным, как рассказы о том, что весной слышно, как прорастает трава.

Я был, конечно, неправ. Нужно было время, чтобы слух, отупевший от скрежета городских улиц, мог отдохнуть и уловить очень чистые и точные звуки осенней земли.

Как-то поздним вечером я вышел в сад, к колодцу. Я поставил на сруб тусклый керосиновый фонарь «летучую мышь» и достал воды. В ведре плавали листья. Они были всюду. От них нигде нельзя было избавиться. Черный хлеб и пекарни приносили с прилипшими к нему мокрыми листьями. Ветер бросал горсти листьев на стол, на койку,

на пол, на книги, а по дорожкам сада было трудно ходить: приходилось идти по листьям, как по глубокому снегу. Листья мы находили в карманах своих дождевых плащей, в кепках, в волосах – всюду. Мы спали на них и насквозь пропитались их запахом.

Бывают осенние ночи, оглохшие и немые, когда безветрие стоит над черным лесистым краем, и только колотушка сторожа доносится с деревенской околицы.

Была как раз такая ночь. Фонарь освещал колодец, старый клен под забором и растрепанный ветром куст настурции, на пожелтевшей клумбе.

Я посмотрел на клен и увидел, как осторожно и медленно отделился от ветки красный лист, вздрогнул, на одно мгновение остановился в воздухе и косо начал падать к моим ногам, чуть шелестя и качаясь. Впервые я услышал шелест падающего листа – неясный звук, похожий на детский шепот.

Ночь стояла над притихшей землей. Разлив звездного блеска был ярок, почти нестерпим. Осенние созвездия блистали в ведре с водой и в маленьком оконце избы с такой же напряженной силой, как и на небе.

Созвездия Персея и Ориона проходили над землей свой медлительный путь, дрожали в воде озер, тускнели в зарослях, где дремали волки, и отражались на чешуе рыб, спавших на отмелях в Старице и Прорве.

К рассвету загорался зеленый Сириус. Его низкий огонь всегда запутывался в листве ив. Юпитер закатывался в лугах над черными стогами и сырыми дорогами, а Сатурн поднимался с другого края неба, из лесов, забытых и брошенных по осени человеком.

Звездная ночь проходила над землей, роняя холодные искры метеоров, в шелесте тростников, в терпком запахе осенней воды.

В конце осени я встретил на Прорве Прохора. Седой и косматый, облепленный рыбьей чешуей, он сидел под кустами тальника и удил окуней. На взгляд Прохору было лет сто, не меньше. Он улыбнулся беззубым ртом, вытащил из кошелки толстого очумелого окуня и похлопал его по жирному боку – похвастался добычей.

До вечера мы удили вместе, жевали черствый хлеб и вполголоса разговаривали о недавнем лесном пожаре.

Он начался около деревушки Лопухи, на поляне, где косари забыли костер. Дул суховой. Огонь быстро погнало на север. Он двигался со скоростью двадцати километров в час. Он гудел, как сотни самолетов, идущих бреющим полетом над землей.

В небе, затянутом дымом, солнце висело, как багровый паук на плотной седой паутине. Гарь разъедала, глаза. Падал медленный дождь из золы. Он покрывал серым налетом речную воду. Иногда с неба слетали березовые листья, превращенные в пепел. Они рассыпались в пыль от малейшего прикосновения.

По ночам угрюмое зарево клубилось на востоке, по дворам тоскливо мычали коровы, ржали лошади, и на горизонте вспыхивали белые сигнальные ракеты – это красноармейские части, гасившие пожар, предупреждали друг друга о приближении огня.

Возвращались мы с Прорвы к вечеру. Солнце садилось за Окой. Между нами и солнцем лежала серебряная тусклая полоса. Это солнце отражалось в густой осенней паутине, покрывшей луга.

Днем паутина летала по воздуху, запутывалась в нескошенной траве, пряжей налипала на весла, на лица, на удилица, на рога коров. Она тянулась с одного берега Прорвы на другой и медленно заплетала реку легкими и липкими сетями. По утрам на паутине оседала роса. Покрытые паутиной и росами ивы стояли под солнцем, как сказочные деревья, пересаженные в наши земли из далеких стран.

На каждой паутине сидел маленький паук. Он ткал паутину в то время, когда ветер нес его над землей. Он пролетал на паутине десятки километров. Это был перелет пауков, очень похожий на осенний перелет птиц. Но до сих пор никто не знает, зачем каждую осень летят пауки, покрывая землю своей тончайшей пряжей.

Дома я отмыл паутину с лица и затопил печь. Запах березового дыма смешивался с запахом можжевельника. Пел старый сверчок, и под полом ворошились мыши. Они стаскивали в свои норы богатые запасы – забытые сухари и огарки, сахар и окаменелые куски сыра.

Глубокой ночью я проснулся. Кричали вторые петухи, неподвижные звезды горели на привычных местах, и ветер осторожно шумел над садом, терпеливо дожидаясь рассвета.

1936

2. Выполните целостный анализ стихотворения Игоря Северянина (1887–1941) «Игорь и Ярославна». Обратите внимание на следующие компоненты его содержания и формы/поэтики: название, сопоставление временных планов, сопоставление персонажей.

И. Северянин.

Игорь и Ярославна.

То было, может быть, давно,
А может быть, совсем недавно.
Ты, опираясь на окно,
Ждала меня, как Ярославна.
А я, как Игорь, что в полон
Был взят ордою половецкой,
Томился, звал, – и Аполлон
Манил меня улыбкой детской.
Не мог препятствия кандал
Я сбросить, пылу чувств в угоду,
И я страдал, и я рыдал,
Моля судьбу вернуть свободу.
Мне улыбнулся как-то день, –
И я бежал к тебе бесславно.
Ты шла по саду, точно тень,
Грустна, верна, как Ярославна.
Была задумчивая ночь
Погружена в свои загадки...
Ты шла спокойно, без оглядки,
Я – за тобой, но вскоре – прочь:
Раз не почувствовала ты
Своей душой, чутьем прихода
Того, кто близок, – что мечты!
Что упоенье! Что свобода!..
И я ушел... В душе темно...
А ты все ждешь, как Ярославна...
То было, может быть, давно,
Но может быть, совсем недавно.

1909

II тур

Творческое задание

Представьте, что Вы – участник проекта «Звонкое слово Сибири». Составьте рекомендательный список произведений сибирских писателей и поэтов для отечественных читателей. Напишите обращение к читателям с целью заинтересовать их творчеством какого-либо одного из литераторов-сибиряков (рекомендуемый объем: 150–200 слов).

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2016-2017 УЧЕБНЫЙ ГОД
10 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 300 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (**на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста**).

1. Выполните целостный анализ рассказа Ю.В. Трифонова (1925–1981). Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: название, система персонажей, финал, мотив огня/костра.

Ю.В. Трифонов

Победитель

Мы слышим шум катящегося по паркету кресла, дверь открывается. Сначала появляются ноги в клетчатых домашних туфлях, лежащие на нижней перекладине кресла; ноги выдвигаются сбоку, затем поворачиваются носками к нам, и мы видим все кресло и сидящего в нем маленького старика. За спинкой кресла возвышается тот усач, что отворял нам ворота. Старик смотрит на нас без улыбки, ничего не говоря. Его лысая голова вставлена в плечи без помощи шеи. Она как бы утоплена в плечи и напоминает глубоко ввинченную в горлышко бутылки пробку. Есть такие приземистые пузатые бутылки, которые затыкаются глубоко сидящими пробками-айсбергами. Вытащить такую пробку бывает адски трудно. Кончается тем, что она крошится, ее проталкивают внутрь и пьют с крошками. Похоже, что голова старика имеет как бы продолжение под воротником. Во всяком случае, стариковского подбородка мы не видим – он утоплен, сидит где-то внизу, замотанный фуляровым платком. Кроме всего прочего, старик тотально лыс. Мало того, что лыса его голова, так же лысы его глаза без ресниц и руки, плоско лежащие на коленях, и, когда он улыбнулся, мы увидели его совершенно лысые десны.

Усач ловко и аккуратно приподнимает кресло, чтобы преодолеть небольшой порожек несильным, рассчитанным движением подталкивает его, и оно, катнувшись по полу, останавливается точно на середине комнаты.

– Yoila, – говорит усач и уходит.

Базиль заговаривает со стариком по-французски. Старик слушает, едва заметно кивая, от чего кажется, что его голова еще глубже всаживается в плечи. Он мог бы, наверное, всю голову спрятать внутрь. Когда ему надоест слушать болтовню Базиля, прекрасно говорящего по-французски, он скажет «адю» и втянет голову, как черепаха.

Обернувшись к нам, Базиль объясняет:

– Я сказал, что мы о нем много слышали, специально приехали из Гренобля и так далее.

Старик что-то бормочет.

– Он говорит, что рад нас приветствовать, – говорит Базиль.

Следует еще одна длинная фраза.

– Говорит, что всегда интересовался Россией. У него был один русский друг в Марселе, хороший человек, который умер от лихорадки... La fièvre?

– Oui.

– Ну да, от лихорадки.

Старик еще что-то добавляет.

– Умер от лихорадки в Алжире, – говорит Базиль. – Хотел поехать в Болгарию, но умер.

– Кто хотел поехать в Болгарию? – спрашивает Борька.

– Его друг. Из Марсея.

– Зачем в Болгарию?

– Какая тебе разница? Не задавайте пустых вопросов, у нас времени мало! – грубо говорит Базиль. – Я не хочу возвращаться ночью. Мне еще надо заправляться, учтите.

Мне хочется сказать: «Не нужно было так долго обедать, чертов обжора», – но я молчу, поняв, что это бесполезно. Мы у него в плену. Когда-то с Базилем мы жили в одном общежитии, его звали тогда Васькой, Потапычем или просто Хорьком, и он был худ, я тоже был худ, хотя мы пили много пива в подвале на Неглинной. Теперь этого подвала нет. Шесть лет уже Базиль тут, во Франции. Он работает, как бешеный паровой молот: почти через день я читаю его корреспонденции. И он стал похож на француза: такой толстый, суетливый, раздражительный, завел себе крохотные усики, настоящие французские усики, какие были в моде в двадцатые годы, а сейчас появились вновь так же, как брюки клеш.

В местной газете Базиль прочитал, что в городе Кулозе, недалеко от Гренобля, живет старец, участвовавший в Парижских олимпийских играх 1900 года. Занял последнее место в беге на четыреста метров, но дело не в месте, а в том, что участвовал и жив. Мы с Борькой загорелись найти этого Мафусаила, хоть посмотреть на него, и убедили Базиля, обладающего казенным автомобилем, свезти нас в Кулоз. Он долго упорствовал, говоря, что не может тратить время на пустяки, что в Гренобль со дня на день ждут президента и уезжать нельзя, что бензин нынче дорог и что вся затея пахнет дешевой сенсационностью. Ну, девяносто четыре, ну, участвовал в каких-то играх, ну и что? Смысл? Идея? Если б он знал Лафарга или слышал Жореса... Старость еще не тема, даже такая чудовищная, никому не нужная старость, как этого неудачника, занявшего последнее место в бог знает каком году, когда летали матерчатые самолеты и еще не было радио. Но затем выяснилось, что президент в Гренобль не приедет, что бензин не так уж дорог, тем более что квитанции прикладываются к отчету и оплачиваются валютой, и что по дороге в Кулоз на берегу озера есть ресторан, знаменитый рыбными супами и каким-то особенно прекрасным вином. Мы выехали в двенадцать, в час были у озера и в седьмом часу, когда уже стемнело, примчались в Кулоз. И вот мы сидим и смотрим на старика, голова которого похожа на туго забитую пробку, а в глазах – темная, как вода в стоячем пруду, усталость от вековой жизни.

О чем говорить с ним? Он ничего не помнит. Годы труда, годы житейских невзгод и удач, войны, смерти, болезни, революции, праздники перепутались в его мозгу, уже где-то цепенеющем и откликающемся на что-то одно, свое, случайное, как полумертвый радиоприемник, в котором все лампы вышли из строя, кроме одной. Но я не могу уловить, на что же откликается этот мозг, что теплится в нем, чем он живет. Он помнит, что победители на Парижских играх получали в награду зонты и трости. Что в Булонском лесу шел дождь. Что была выставка. И что-то еще, невнятное, туманное. Мелькают бессвязно какие-то имена, возникают лица, но он не уверен, что эти лица оттуда, а не откуда-то раньше или позже; когда он лежал в госпитале, был жаркий летний день и один человек, пробегаая мимо окна, крикнул, что какой-то русский застрелил президента.

– Спроси у него, как он относится к делу Дрейфуса, – говорит Борька.

Базиль спрашивает.

– Он возмущен, – говорит Базиль.

– Скажи, что лучшие люди нашей страны, например Чехов...

– Спроси, что он думает об англо-бурской войне? – говорю я. – Победят ли англичане?

– А как он относится к Метерлинку?

Губы старика раздвигаются, мы опять видим его лысые десны. Может быть, он понял нашу шутку, а может, улыбается чему-то своему, тайному. Усач входит в комнату с граненой бутылкой виски и четырьмя стаканами. Базиль и усач начинают оживленную трепотню, оба смеются, говорят громко и после каждого глотка виски все громче. Усач хохочет, Базиль шлепает его, как старого приятеля, пятерней по животу. Иногда Базиль кое-что нам объясняет.

– Этот тип, мсье Жозеф, муж женщины, которая за стариком ходит... Она получает четыреста сорок франков. Работа тяжелая, потому что старик Salissan? Ага, очень грязный, большой грязнуля... он ведь совсем один, детей не было. Люди становятся грязными от одиночества... Мсье Жозеф не понимает, зачем нам понадобился этот старый... marchand d'engrais. Старый навозник? Пожалуй, нет, старый ассенизатор, это будет точнее. Я тоже, кстати, не понимаю, зачем понадобился... Про Олимпийские игры мсье Жозеф слышал, но не верит, считает, что враки, брехня, les sornettes... Старик утверждает, что занял первое место, все это les sornettes... Сказать можно все... Мсье Жозеф работает шофером на полицейской машине...

Усач уже красный, глаза его слегка раскорячиваются, он выпил, по-видимому, недельную норму. К тому же он не привык к неразбавленному, безо льда, а Базиль с его вечной спешкой и бесцеремонностью потребовал пить так, побыстрее и поударней. Для Базиля-то, имеющего опыт подвала на Неглинной и двухлетних скитаний с экспедициями по Уралу, все это, конечно, «что слону дробинка». Поразительный персонаж наш Базиль! В свои тридцать семь лет он уже пережил два инфаркта, одно кораблекрушение, блокаду Ленинграда, смерть родителей, его чуть не убили где-то в Индонезии, он прыгал с парашютом в Африке, он голодал, бедствовал, французский язык выучил самоучкой, он виртуозно ругается матом, дружит с авангардистами и больше всего на свете любит рыбалку летом на Волге.

Продолжая улыбаться, старик повторяет что-то невразумительно, но настойчиво. Он бубнит одну фразу несколько раз, пока наконец Базиль не обращает на него внимание.

– Он говорит, что он победитель Олимпийских игр.

– В каком виде? – спрашивает Борька.

– Во всех, – говорит Базиль, выслушав ответ старика. Когда-то он занял последнее место в беге на четыреста метров, но теперь он победитель. Все умерли, а он жив.

Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике. Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, – все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля – окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета. Никто из тех, кто когда-то побеждал его, не может увидеть этой дрожащей серебряной капли, ибо все они ушли, сами превратившись в звезды, в сырые деревья, в февраль, в вечер.

– Просто надо жить долго, вот и все. Надо жить долго! – говорит Борька, когда мы, выйдя из дома, идем гуськом впотьмах по каменистой дороге к воротам.

Усач провожает нас, светя фонариком. Они вполголоса разговаривают с Базилем. Базиль переводит: усач сказал, что здесь очень здоровый, крепкий климат, а старик почти всю жизнь прожил в Кулозе.

– Не надо жить долго, – бормочет Базиль, открывая дверцу машины. – И тот малый, который выиграл тогда четыреста метров, семьдесят лет назад, – пускай он сгнил потом где-нибудь под Верденом или на Марне, – все ж таки он... А этот со своим долголетием слоновой черепахи...

Сразу же Базиль дает сильный газ, отлетают назад дома, фонари, спящие на узкой улице – два колеса на тротуаре, два на мостовой – скособочившиеся автомобили, и вот уже город позади, мы среди поля, во тьме. Потом начинаются подъем, виражи, туннели, дорога вдоль озера напоминает крымский серпантин, но Базиль гонит, не сбавляя скорости. Нас кидает, стучает о стенки, мы молчим, мы у него в плену. Он включил радио и слушает какую-то политическую передачу, два голоса беседуют негромко, наперебой, то и дело слышится: «Вильсон», «Кизингер», «Помпиду», Через полчаса, миновав растянувшееся на двадцать километров озеро, мы останавливаемся на шоссе. Выходим из машины. Слева – гора, справа – долина, огни. Какое-то голое деревенское шоссе, ни одной машины, тишина, холод и близкая ночь. Мы стоим на некотором отдалении друг от друга под небом, ошеломительно бледным и пестрым от звезд. Пахнет землей, пролитым на асфальт бензином и какой-то гарью, вроде прелых, чадающих в костре сучьев. Жгут костер на склоне, это далеко, но ветром доносит запах. Меня знобит, не могу унять дрожь во всем теле. На холоде после вина всегда чертовки знобит. И я думаю о том, что можно быть безумнейшим стариком, забывшим умереть, никому не нужным, но вдруг – пронзительно, до дрожи – почуять этот запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы...

1968

Примечания

Лафарг Поль (1842–1911) – французский экономист и политик.

Жорес Жан (1859–1914) – французский политик-социалист.

Дело Дрейфуса – известный судебный процесс, происходивший во Франции в 1894 году над французским офицером еврейского происхождения Альфредом Дрейфусом (1859–1935). Дрейфус несправедливо обвинялся в шпионаже в пользу Германской империи.

Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1911 год.

Мафусаил – библейский персонаж, проживший, согласно Ветхому Завету, 969 лет.

Вильсон Джеймс Гарольд (1916–1995) – премьер министр Великобритании с 1964 по 1970 и с 1974 по 1976 годы.

Кизингер Курт Георг (1904–1988) – канцлер ФРГ с 1966 по 1969 год.

Помпиду Жорж (1911–1974) – президент французской Пятой республики с 1969 по 1974 годы.

2. Выполните целостный анализ стихотворения А.С. Кушнера (род. в 1936). Обратите внимание на следующие компоненты его содержания и формы/поэтики: композиция, взаимодействие темы «пустяков» и темы поэзии.

А.С. Кушнер

Тарелку мыл под быструю струей
И всё отмыть с нее хотел цветочек,
Приняв его за крошку, за сырой
Клочок еды, – одной из проволочек

В ряду заминок эта тень была
Рассеянности, жизнь одолевавшей...
Смыть, смочь, стереть, добраться до бела,
До сути, нам сквозь сумрак просиявшей.
Но выяснилось: желто-голубой
Цветочек неделим и несмываем.
Ты ж просто недоволен сам собой,
Поэтому и мгла стоит за краем
Тоски, за срезом дней, за ободком,
Под пальцами приподнято-волнистым...
Поэзия, следи за пустяком,
Сперва за пустяком, потом за смыслом.

1982

II тур Творческое задание

Напишите эссе на тему «Путешествие в литературе» (рекомендуемый объем – не менее 250 слов), используя известные Вам образы путешествующих героев отечественной и зарубежной литературы любого периода.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2016-2017 УЧЕБНЫЙ ГОД
11 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 300 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (*на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста*)

1. Выполните целостный анализ рассказа Ю.М. Даниэля (1925–1988), написанного под псевдонимом «Николай Аржак». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: название, ключевые образы и их символика, написание рассказа одним абзацем.

Николай Аржак.

Руки.

Ты вот, Сергей, интеллигент, вежливый. Поэтому и молчишь, не спрашиваешь ничего. А наши ребята, заводские, так те прямо говорят: «Что, говорят, Васька, допился до ручки?!» Это они про руки мои. Думаешь, я не заметил, как ты мне на руки посмотрел и отвернулся? И сейчас все норовишь мимо рук глянуть. Я, брат, все понимаю – ты это из деликатности, чтобы меня не смущать. А ты смотри, смотри, ничего. Я не обижусь. Тоже, небось, не каждый день увидишь такое. Это, друг ты мой, не от пьянства. Я и пью-то редко, больше в компании или к случаю, как вот с тобой. Нам с тобой нельзя не выпить за встречу-то. Я, брат, все помню. И как мы с тобой в секрете стояли, и как ты с беляком по-французски разговаривал, и как Ярославль брали... Помнишь, как ты на митинге выступал, за руку взял меня – я рядом с тобой случился – и сказал: «Вот этими, сказал, руками...» Да-а. Ну, Серега, наливай. А то я и впрямь расхлюпаю. Забыл я, как она называется, трясушка эта, по-медицинскому. Ладно, у меня это записано, я тебе потом покажу... Так вот – отчего это со мной приключилось? От происшествия. А по порядку если говорить, то расскажу тебе так, что, когда демобилизовались мы в победившем 21-ом году, то я сразу вернулся на свой родной завод. Ну, мне там, ясное дело, почет и уважение, как революционному герою, опять же – член партии, сознательный рабочий. Не без того, конечно, было, чтобы не вправить мозги кому следует. Разговорчики тогда разные пошли: «Вот, дескать, довоевались, дохозяйничались. Ни хлеба, ни хрена...» Ну, я это дело пресекал. Я всегда был твердый. Меня на этом ихней меньшевистской мякине не проведешь. Да. Ты наливай, меня не дожидайся. Только проработал это я с год, не больше, – хлоп вызывают меня в райком. «Вот, говорят, тебе, Калинин, путевка. Партия, говорят, мобилизует тебя, Калинин Василий Семенович, в ряды доблестной Чрезвычайной Комиссии, для борьбы с контрреволюцией. Желаем, говорят, тебе успехов в борьбе с мировой буржуазией и кланяйся низко товарищу Дзержинскому, если увидишь». Ну, я –

что ж? Я человек партийный. «Есть, говорю, приказ партии исполню». Взял путевку, забежал на завод, попросился там с ребятами и пошел. Иду, а сам в мечтах воображаю, как я всех этих контриков беспощадно вылавливать буду, чтобы они молодую нашу Советскую власть не поганили. Ну, пришел я. Действительно, Дзержинского Феликса Эдмундовича видел, передал ему от райкомовцев, чего говорили. Он мне руку пожал, поблагодарил, а потом всем нам – нас там человек тридцать было, по партийной мобилизации, выстроил нас всех и сказал, что, мол, на болоте дом не построишь, надо, мол, болото сперва осушить, а что, мол, при этом всяких там жаб да гадюк уничтожить придется, так на то, говорит, есть железная необходимость. И к этому, говорит, всем нам надо руки приложить... Значит, он сказал вроде басни или анекдота какого, а всё, конечно, понятно. Строгий сам, не улыбнется. А после нас распределять стали. Кто, что, откуда – расспросили. «Образование, говорят, какое?» У меня образование, сам знаешь, германская да гражданская, за станком маялся – вот и все мое образование. Два класса церковно-приходской кончил... Ну, и назначили меня в команду особой службы, а просто сказать – приводить приговоры в исполнение. Работа не так чтобы трудная, а и легкой не назовешь. На сердце влияет. Одно дело, сам помнишь, на фронте: либо ты его, либо он тебя. А здесь... Ну, конечно, привык. Шагаешь за ним по двору, а сам думаешь, говоришь себе: «Надо, Василий, НАДО. Не кончишь его сейчас, он, гад, всю Советскую Республику порушит». Привык. Выпивал, конечно, не без того. Спирт нам давали. Насчет пайков каких-то там особенных, что, дескать, чекистов шоколадом и белыми булками кормят – это все буржуйские выдумки: паек, как паек, обыкновенный, солдатский – хлеб, пшено и вобла. А спирт, действительно, давали. Нельзя, сам понимаешь. Ну, вот. Проработал я таким манером месяцев семь, и тут-то и случилось происшествие. Приказано нам было вывести в расход партию попов. За контрреволюционную агитацию. За злостность. Они там прихожан мutilовали. Из-за Тихона, что ли. Или вообще против социализма – не знаю. Одним словом – враги. Их там двенадцать человек было. Начальник наш распорядился: «Ты, говорит, Калинин, возьми троих, ты, Власенко, ты, Головчинер, и ты...» Забыл я, как четвертого-то звали. Латыш он был, фамилие такое чудное, не наше. Он и Головчинер первыми пошли. А у нас так было устроено: караульное помещение – оно как раз посередине было. С одной стороны, значит, комната, где приговоренных держали, а с другой – выход во двор. Брели мы их по одному. С одним во дворе закончишь, оттащишь его с ребятами в сторону и вернешься за другим. Оттаскивать необходимо было, а то, бывало, как выйдешь за другим, а он как увидит покойника и начнет биться да рваться – хлопот не оберешься, да и понятно. Лучше, когда молчат. Ну, вот, значит, Головчинер и латыш этот кончили своих, настала моя очередь. А я уж до этого спирту выпил. Не то, чтобы боязно мне было или там приверженный я к религии был. Нет, я человек партийный, твердый, я в эту дурь – богов там разных, ангелов, архангелов – не верю, а все ж таки стало мне как-то не по себе. Головчинеру легко, он – еврей, у них, говорят, и икон-то нету, не знаю, правда ли, а я сижу, пью, и все в голову ерунда всякая лезет: как мать-покойница в деревне в церковь водила и как я попу нашему, отцу Василию, руку целовал, а он – старик он был – теской все меня называл... Да-а. Ну, пошел я, значит, за первым, вывел его. Вернулся, покурил малость, вывел второго. Обратно вернулся, выпил - и что-то замутило меня. «Подождите, говорю, ребята. Я сейчас вернусь». Положил маузер на стол, а сам вышел. Перепил, думаю. Сейчас суну пальцы в рот, облегчусь, умоюсь, и все в порядок придет. Ну, сходил, сделал все, что надо – нет, не легчает. Ладно, думаю, черт с ним, закончу сейчас все и – спать. Взял я маузер, пошел за третьим. Третий был молодой

еще, видный из себя, здоровенный такой попище, красивый. Веду это я его по коридору, смотрю, как он рясу свою долгополую над порогом поднимает, и тошно мне как-то сделалось, сам не пойму – что такое. Вышли во двор. А он бороду кверху задирает, в небо глядит. «Шагай, говорю, батюшка, не оглядывайся. Сам себе, говорю, рай намолил». Это я, значит, пошутил для бодрости. А зачем – не знаю. Сроду со мной этого не бывало – с приговоренными разговаривать. Ну, пропустил я его на три шага вперед, как положено, поставил ему маузер промеж лопаток и выстрелил. Маузер – он, сам знаешь, как бьет – пушка! И отдача такая, что чуть руку из плеча не выдергивает. Только смотрю я – мой расстрелянный поп поворачивается и идет на меня. Конечно, раз на раз не приходится: иные сразу плашмя падают, иные на месте волчком крутятся, а бывает и шагать начинают, качаются, как пьяные. А этот идет на меня мелкими шагами, как плывет в рясе своей, будто я и не в него стрелял. «Что ты, говорю, отец, стой!» И еще раз приложил ему – в грудь. А он рясу на груди распахнул-разорвал, грудь волосатая, курчавая, идет и кричит полным голосом: «Стреляй, кричит, в меня, антихрист! Убивай меня, Христа твоего!» Растерялся я тут, еще раз выстрелил и еще. А он идет! Ни раны, ни крови, идет и молится: «Господи, остановил Ты пулю от черных рук! За Тебя муку принимаю!... Не убить душу живую». И еще что-то... Не помню уж, как я обойму расстрелял; только точно знаю – промахнуться не мог, в упор бил. Стоит он передо мной, глаза горят, как у волка, грудь голая, и от головы вроде сияние идет – я уж потом сообразил, что он мне солнце застил, к закату дело шло. «Руки, кричит, твои в крови! Взгляни на руки свои!» Бросил я тут маузер на землю, вбежал в караулку, сшиб кого-то в дверях, вбежал, а ребята смотрят на меня, как на психа, и ржут. Схватил я винтовку из пирамиды и кричу: «Ведите, кричу, меня сию минуту к Дзержинскому или я вас всех сейчас переколю!» Ну, отняли у меня винтовку, повели скорым шагом. Вошел я в кабинет, вырвался от товарищей и говорю ему, а сам весь дрожу, заикаюсь: «Расстреляй, говорю, меня, Феликс Эдмундыч, не могу я попа убить!» Сказал я это, а сам упал, не помню больше ничего. Очнулся в больнице. Врачи говорят: «Нервное потрясение». Лечили меня, правду сказать, хорошо, заботливо. И уход, и чистота, и питание по тем временам легкое. Все вылечили, а вот руки, сам видишь, ходуном ходят. Должно быть, потрясение это в них перешло. Из ЧК меня, конечно, уволили. Там руки не такие нужны. К станку, ясное дело, тоже не вернешься. Определили меня на склад заводской. Ну, что ж, я и там дело делаю. Правда, бумаги всякие, накладные сам не пишу – из-за рук. Помощница у меня для этого есть, смышленная такая девчоночка. Вот так и живу, браток. А с попом тем я уж потом узнал, как дело было. И никакой тут божественности нету. Просто ребята наши, когда я оправляться ходил, обойму из маузера вынули и другую всунули – с холостыми. Пошутили, значит. Что ж, я на них не сержусь – дело молодое, им тоже не сладко было, вот они и придумали. Нет, я на них не обижаюсь. Руки только вот у меня... совсем теперь к работе не годятся...

1963

2. Выполните целостный анализ стихотворения Б.А. Слуцкого (1919–1986). Обратите внимание на следующие компоненты его содержания и формы/поэтики: образная система, фигура лирического героя, рефлексия над историей.

Б.А. Слуцкий

Двадцатый век

В девятнадцатом я родился,
но не веке – просто году.
А учился и утвердился,
через счастье прошел и беду
все в двадцатом, конечно, веке
(а в году – я был слишком мал).
В этом веке все мои вехи,
все, что выстроил и сломал.
Век двадцатый! Моя ракета, та,
что медленно мчит меня,
человека и поэта,
по орбите каждого дня!
Век двадцатый! Моя деревня!
За околицу – не перейду.
Лес, в котором мы все деревья,
с ним я буду мыкать беду.
Век двадцатый! Рабочее место!
Мой станок! Мой письменный стол!
Мни меня! Я твое тесто!
Бей меня! Я твой стон.

Напечатано в 1967, дата написания неизвестна.

II тур Творческое задание.

Напишите эссе на тему «Подарки в русской литературе» (рекомендуемый объем – не менее 250 слов), используя известные Вам соответствующие мотивы и сюжеты в отечественной литературе любого периода.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2017-2018 УЧЕБНЫЙ ГОД
7 КЛАСС
КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

1 задание (25 баллов)

- знание литературного материала, отсутствие фактических ошибок, умение приводить для доказательства текст произведения (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность мыслей (от 0 до 5 баллов);
- стилевое соответствие работы жанру эссе (от 0 до 5 баллов)
- композиционная цельность, стройность работы (от 0 до 5 баллов).
- речевая грамотность, богатство языка (от 0 до 5 баллов).

2 задание (25 баллов)

- знание литературного материала, отсутствие фактических ошибок (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность мыслей (от 0 до 5 баллов);
- стилевое соответствие работы жанру обращения к читателям (от 0 до 5 баллов);
- композиционная цельность, стройность работы (от 0 до 5 баллов);
- речевая грамотность работы (от 0 до 5 баллов).

Максимальный общий балл – 50.

Обратите внимание! Указание на объем ответов условно. Не рекомендуем ставить 0 баллов, если указанный объем учеником не выдержан. Возможно снижение баллов по критериям.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2017-2018 УЧЕБНЫЙ ГОД
8 КЛАСС
КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

1 задание (25 баллов)

- знание литературного материала (полнота, отсутствие фактических ошибок) (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность мыслей (от 0 до 5 баллов);
- стилевое соответствие работы жанру дневника (от 0 до 5 баллов)
- композиционная цельность, стройность работы (от 0 до 5 баллов).
- речевая грамотность работы (от 0 до 5 баллов).

2 задание (25 баллов)

- знание литературного материала (полнота, отсутствие фактических ошибок) (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность мыслей (от 0 до 5 баллов);
- стилевое соответствие работы жанру эссе (от 0 до 5 баллов)
- композиционная цельность, стройность работы (от 0 до 5 баллов).
- речевая грамотность работы (от 0 до 5 баллов).

Максимальный общий балл – 50.

Обратите внимание! Указание на объем ответов условно. Не рекомендуем ставить 0 баллов, если указанный объем учеником не выдержан. Возможно снижение баллов по критериям.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
муниципальный этап
2016-2017 учебный год
9 класс
критерии оценивания

1 или 2 задание (анализ текста)

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условными «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 15 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок – «зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценок за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М.Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10-15-20-25

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5-10-15-20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2-5-8-10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1-2-3-4-5

Итого: максимальный балл — 70.

2 задание (30 баллов)

- знание литературного и общекультурного материала (от 0 до 5 баллов);
- глубина и аргументированность рассуждений, умений определять роль писателя в национальном литературном процессе;
- композиционная цельность работы, соответствует жанру (от 0 до 5 баллов);
- речевая грамотность (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность, нестереотипность, образность мышления (от 0 до 5 баллов).

Общее количество баллов — 100.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2016-2017 УЧЕБНЫЙ ГОД
10 КЛАСС
КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

1 или 2 задание (анализ текста)

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 15 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10-15-20-25

2. Композиционная стройность работы и ее стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5-10-15-20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2-5-8-10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных

ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1-2-3-5

Итого: максимальный балл – 70.

2 задание (30 баллов)

- знание литературного (и общекультурного) материала (полнота, отсутствие фактических ошибок), уместность его использования и аргументированность рассуждений (от 0 до 10 баллов);
- композиционная цельность работы, соответствие жанру эссе (от 0 до 5 баллов);
- речевая грамотность (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность и глубина рассуждений, нестереотипность, образность мышления (от 0 до 10 баллов).

Общее количество баллов – 100.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2016-2017 УЧЕБНЫЙ ГОД
11 КЛАСС
КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

1 или 2 задание (анализ текста)

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 15 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10-15-20-25

2. Композиционная стройность работы и ее стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5-10-15-20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2-5-8-10

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих

от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1-2-3-5

Итого: максимальный балл – 70.

2 задание (30 баллов)

- знание литературного (и общекультурного) материала (полнота, отсутствие фактических ошибок), уместность его использования и аргументированность рассуждений (от 0 до 10 баллов);
- композиционная цельность работы, соответствие жанру эссе (от 0 до 5 баллов);
- речевая грамотность (от 0 до 5 баллов);
- оригинальность и глубина рассуждений, нестереотипность, образность мышления (от 0 до 10 баллов).

Общее количество баллов – 100.